PG3337
.L46
T74
1918

PG3337
.L46
T74
1918

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

PG3337
.L46
T74
1918

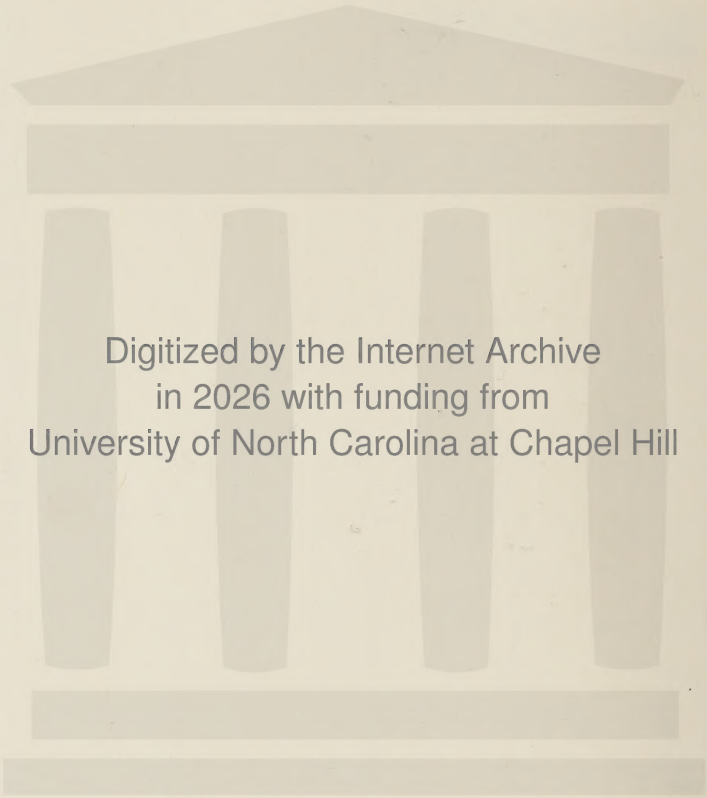
DEMCO

00005297234

This book is due at the WALTER R. DAVIS LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
DEC 10 1992			

Form No. 513,
Rev. 1/84



Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/slozhnostperspek00tsin

А. Цинговатовъ.

СЛОЖНОСТЬ ПЕРСПЕКТИВЪ ЛЕРМОНТОВСКАГО ТВОРЧЕСТВА.

(Психологическій этюдъ).

Типо-литогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
МОСКВА—1918.

PG3337
.L46
T74
1918
SLOZHNOST' PERSPEKTIV
LERMONTOVSKAGO TVORCHESTVA

Сложность перспективъ лермонтовскаго творчества.

Я не хочу, чтобъ свѣтъ узналъ
Мою *таинственную повѣсть*,
Какъ я любилъ, за что страдалъ:
Тому судья лишь Богъ да совѣсть.
(II, 214) [1].

Въ своей статьѣ «Въ чемъ же, наконецъ, существо русской поэзіи и въ чемъ ея особенность?» Гоголь, доказывая общественно-психологическую закономѣрность и даже необходимость появленія поэзіи Лермонтова, говоритъ: «Какъ нѣкогда съ легкой руки Шиллера пронеслось было по свѣту *очарованіе*, и стало моднымъ, какъ потомъ съ тяжелой руки Байрона пошло въ ходъ *разочарованіе*, порожденное, можетъ быть, излишнимъ очарованіемъ, и стало также на время моднымъ, такъ, наконецъ, пришла очередь и *безочарованію*, родному дѣтищу байроновскаго разочарованія».

Очарованіе—Шиллеръ, разочарованіе—Байронъ, безочарованіе—Лермонтовъ.

Итакъ,—вслѣдъ за Жуковскимъ—Гоголь опредѣляетъ «существо» поэзіи Л—ва словомъ «безочарованіе».

Эта глубокая, мѣткая характеристика, но только не всей поэзіи Л—ва, а одной—зрѣлой—ея полосы. Зрѣлая полоса лермонтовскаго творчества, дѣйствительно, лежитъ

[1] Всѣ цитаты изъ Лермонтова—по академическому изданію.

подъ знакомъ «безочарованія», несетъ на себѣ унылую печать подлиннаго «безочарованія».

Психологическій составъ безочарованія, его, такъ сказать, «ароматъ» чрезвычайно сложенъ и неуловимъ, съ большимъ трудомъ поддается описанію и опредѣленію.

Но вся сложность лермонтовскаго безочарованія почувствуется нами тотчасъ, какъ только мы попытаемся вскрыть его генезисъ.

Если мы продѣлаемъ это путемъ ретроспективнымъ, то убѣдимся, что *подъ* «безочарованіемъ», слоемъ *ниже*, лежитъ у Л — ва «*разочарованіе*», а еще глубже, еще ниже, *подъ* «разочарованіемъ» — несомнѣнно—таится «*очарованіе*».

То-есть, къ безочарованію Л — въ пришелъ тѣмъ же сложнымъ путемъ, что и литература его времени вообще: очарованіе—разочарованіе—безочарованіе.

Въ индивидуальномъ масштабѣ, въ миніатюрѣ поэзія Л — ва продѣлала ту же эволюцію, что и современная ему поэзія обще-европейская.

«Безочарованіе» въ зрѣломъ возрастѣ, «разочарованіе» въ юности—это все достаточно извѣстные и совершенно безспорные факты въ жизни и поэзіи Л—ва.

Но гдѣ же въ творчествѣ поэта тотъ «шиллеровскій» періодъ «очарованія», который со всею психологической необходимостью долженъ *пред*шествовать періоду «разочарованія», лежать *подъ* нимъ?

Такого періода въ творчествѣ Л—ва нѣтъ. Но онъ былъ—этотъ періодъ—былъ въ *жизни* поэта, *до* начала творческой его дѣятельности, въ его *дѣтствѣ*.

Отъ этого періода сохранены поэзіей Л—ва лишь слабые отзвуки, смутныя воспоминанія и намеки, но онъ, какъ увидимъ ниже, имѣлъ безконечно-важное значеніе въ творчествѣ поэта: періодъ очарованія образовалъ тотъ первоначальный художественно-психологическій *фонъ*, на которомъ развернулась впослѣдствіи томительно-тревожная

ИСКЛЮЧЕНО

и мрачная, мятежная и горькая, усталая и остылая поэзія Л—ва, вся—дисгармонія и диссонансъ съ этимъ основнымъ фономъ: фонъ «райскаго очарованія» и поэзія «демонскаго разочарованія» или пустого «печоринскаго безочарованія».

Объ этомъ глубокомъ, глубинномъ, *глубочайшемъ* «очарованномъ» фонѣ поэзіи Л—ва *забываютъ*, обыкновенно, изслѣдователи, нарушая тѣмъ, конечно, всю неподозрѣваемую глубину и сложность перспективъ лермонтовскаго творчества.

Итакъ,—выражаясь образно,—*передній* планъ поэзіи Л—ва занавѣшенъ полупрозрачной пеленою «прозаически-стального» безочарованія зрѣлыхъ лѣтъ; но чувствуется, что самъ «хаосъ шевелится» за ея призрачно-оцѣпенѣлою гладью—хаосъ «демонски-мятежнаго» разочарованія юности—*второй* планъ картины; а сквозь двойную и все-же безъ труда проницаемую толщу безочарованія и разочарованія угадывается *третій* планъ—весь звѣздящійся тихой восторженностью—планъ «райскаго» очарованія дѣтства, *основной* фонъ *всей* картины.

Основные психологическіе періоды въ жизни и творчествѣ Лермонтова.

Очарованіе.

Лермонтовъ самъ не разъ опредѣленно намекалъ и указывалъ на существованіе въ его дѣтствѣ несказанно-радостной поры счастья—той поры, когда онъ «пилъ изъ чаши бытія съ закрытыми очами» (I, 273).

Утверждая впослѣдствіи, что жизнь,—«безспорно, скверное наслѣдство», поэтъ все-же исключалъ

два-три дня, да *дѣтство* (II, 163),

дѣтство, т.-е.

Тѣ дни, когда я точно жилъ,
Когда не зналъ я, что на слово младость
Есть риѳма *гадость*, кромѣ риѳмы *радость!* (II, 192)

Увы! за нѣсколько минутъ
Между крутыхъ и темныхъ скалъ,
Гдѣ я въ ребячествѣ игралъ,
Я-бъ рай и вѣчность промѣнялъ!.. (II, 329).

«Помнишь-ли, какъ нетерпѣливо старался я узнавать сердце человѣческое, какъ пламенно я любилъ природу, какъ твореніе человѣчества было прекрасно въ ослѣпленныхъ глазахъ моихъ?». (III, 97).

Словомъ, это былъ тотъ очарованный періодъ въ жизни Демона,

когда въ жилищѣ свѣта
Блисталъ онъ, чистый херувимъ;
. . . . . .
Когда онъ вѣрилъ и любилъ,
Счастливый первенецъ творенья;
Когда, безпечный, онъ не зналъ,
Не зналъ ни злобы, ни сомнѣнья,
Безплодной муки сожалѣнья;
И не грозилъ уму его
Вѣковъ безплодныхъ рядъ унылый... (II, 351)

Это золотое время окончилось для Л—ва *не позже* десятилѣтняго возраста, а къ 13—14 годамъ, т.-е. къ началу творческой своей дѣятельности, Л—въ уже опредѣленно и остро въ жизни разувѣрился и отъ безграничнаго очарованія жизнью перешелъ къ столь же неумѣренному разочарованію въ ней.

Лучшая пора его жизни оставалась позади: невозвратное дѣтство становилось для поэта «потерянным раемъ» (IV, 349).

Потеряннымъ, но *не* забытымъ!

Всю жизнь—

Лучшихъ дней воспоминанья
Предъ нимъ тѣснилися толпой (II, 351)

—всю жизнь!
Ласкать въ душѣ

старинную мечту,
Погибшихъ лѣтъ святые звуки (II, 277)—

осталось навсегда любимою усладою поэта.

И если какъ-нибудь на мигъ удастся мнѣ
Забыться,—памятью къ недавней старинѣ
Лечу я вольной, вольной птицей.
И вижу я себя ребенкомъ... (II, 277)—

пишетъ Л—въ за годъ до смерти и здѣсь же прямо свидѣтельствуетъ, что память о блаженныхъ дняхъ дѣтства—единственная его отрада:

И память ихъ жива понынѣ
Подъ бурей тягостныхъ сомнѣній и страстей,
Какъ *свѣжій островокъ* безвредно средь морей
Цвѣтетъ на влажной ихъ пустынѣ (II, 278).

И Л—въ не преувеличивалъ. Скорѣе, повидимому, наоборотъ: онъ, можетъ быть, недостаточно ясно сознавалъ, какую безконечно великую, важную, *спасающую* роль въ его жизни игралъ этотъ «свѣжій островокъ» нѣжнаго дѣтства.

Просвѣты въ очарованное прошлое, въ блаженную страну вѣчнаго дѣтства открывались Л—ву всю жизнь—и сквозь дремучую чащу его разочарованій и сквозь стальную, жуткую гладь его безочарованій,—и одинъ Богъ знаетъ, какъ много эти просвѣты для поэта значили!

Разочарованіе.

«Вольной, вольной птицей» жилъ ребенокъ на этомъ блаженномъ островѣ дѣтства,—но какъ недолго!

...безумный—
Изъ дѣтскихъ рано вырвался одеждъ
И сердце бросилъ въ море жизни шумной:
И свѣтъ не пощадилъ, и Богъ не спасъ! (II, 16).

Ранняя, безконечно-нѣжная и радостная весна дѣтства оказалась такою хрупкой: дохнула зима съ ея вьюгами, и навсегда поникли въ ея дыханіи первые весенніе цвѣты.

Въ умѣ своемъ я создалъ міръ иной
И образовъ иныхъ существованье,
И цѣпью ихъ связалъ между собой;
Я далъ имъ видъ, но не далъ имъ названья.
Вдругъ зимнихъ бурь раздался грозный вой,
И рушилось невѣрное созданье!... (I, 57).

Первыя разочарованія, колебавшія этотъ волшебный міръ дѣтства, были тѣмъ болѣзненнѣе, что разили мальчика еще въ нѣжномъ возрастѣ и касались людей самыхъ близкихъ, дорогихъ для него и потому безмѣрно имъ идеализированныхъ—отца и бабушки.

Сюда присоединились вскорѣ не менѣе горькія разочарованія въ друзьяхъ, въ знакомыхъ, особенно въ дѣвушкахъ, къ которымъ неравнодушенъ былъ влюбчивый мальчикъ, разочарованія въ людяхъ вообще, и—въ результатѣ—переходная пора отрочества обернулась процессомъ до-нельзя болѣзненнымъ, тягостнымъ и труднымъ.

А жизнь, между тѣмъ, уже готовила Л—ву новое, горшее первыхъ, горчайшее разочарованіе—*въ себѣ самомъ*.

Лишь въ человѣкѣ встрѣтиться могло
Священное съ порочнымъ. Всѣ его
Мученья происходятъ оттого (I, 260).

Эту встрѣчу «священнаго съ порочнымъ» ощутилъ и осозналъ въ себѣ Л—въ—къ испугу своему—чрезвычайно рано:

Отъ своей души спасенья
И въ самомъ счастьи нѣтъ (1, 103).
Находишь корень мукъ въ себѣ самомъ,
И небо обвинить нельзя ни въ чемъ (1, 260),—

и это новое разочарованіе было уже послѣдней каплей, переполнившей чашу горечи: человѣкъ безмѣрно низко палъ теперь въ глазахъ Л—ва: «гордый царь природы» оказался—въ сущности—«ужасно похожимъ на обезьяну» (II, 189).

Раннія разочарованія въ людяхъ, въ себѣ самомъ, въ жизни вообще—«вѣрѣ теплой опытъ хладный противорѣчитъ каждый мигъ» (I, 272)—отдались непомѣрной болью въ сердцѣ болѣзненно-впечатлительнаго подростка—

...есть мгновенья, краткія мгновенья,
Когда, столпясь, всѣ адскія мученья
Слетаются на сердце и грызутъ!
Вѣка печали стоятъ тѣхъ минутъ... (II, 59)—

Л—въ доходилъ до истерики, до отчаянія, до жуткихъ соблазновъ и искушеній самоубійства, до гиблыхъ упоеній мечтою о смерти:

Я счастливъ: тайный ядъ течетъ въ моей крови,
Жестокая болѣзнь мнѣ смертью угрожаетъ!.. (I, 98).

И тѣмъ болѣзненнѣе переживалъ подростокъ свои муки, что съ демоническою гордостью таилъ ихъ отъ посторонняго глаза—

Онъ не имѣлъ ни брата, ни сестры,
И тайныхъ мукъ его никто не вѣдалъ... (II, 166).

И какъ я мучусь, знаетъ лишь Творецъ,—
Но равнодушный міръ не долженъ знать (I, 260).

Время притупило рѣжущую остроту переживаній, но не прошла эта длительная пытка для Л—ва даромъ: хроническая меланхолія, безысходный пессимизмъ тягостной переходной поры отрочества оставили по себѣ горькій слѣдъ, вскормили въ душѣ поэта злыя, враждебныя, мстительныя—по отношенію къ людямъ—чувства и разбудили въ ней «большую склонность къ разрушенью» (II, 165).

«Да, такова была моя участь съ самаго дѣтства! Всѣ читали на моемъ лицѣ признаки дурныхъ свойствъ, которыхъ не было; но ихъ предполагали—и они родились. Я былъ скроменъ—меня обвиняли въ лукавствѣ: я сталъ скрытенъ. Я глубоко чувствовалъ добро и зло; никто меня не ласкалъ, всѣ оскорбляли: я сталъ злопамятенъ. Я былъ угрюмъ, другія дѣти веселы и болтливы; я чувствовалъ себя выше ихъ.—меня ставили ниже: я сдѣлался завистливъ... Моя безцвѣтная молодость протекла въ борьбѣ съ собою и свѣтомъ; лучшія мои чувства, боясь насмѣшки, я хоронилъ въ глубинѣ сердца: они тамъ и умерли. Я говорилъ правду,—мнѣ не вѣрили: я началъ обманывать» (IV, 233).

Болѣзненный надрывъ исказилъ всю нравственную природу отрока-юноши, и неокрѣпшая воля его была непримѣтно, но рѣшительно сдвинута на путь *демонизма:*

«*Я былъ готовъ любить весь міръ,—меня никто не понялъ: и я выучился ненавидѣть*» (IV, 234).

До глубины души потрясенный неслыханнымъ разочарованіемъ въ самомъ святомъ и завѣтномъ, Л—въ—сначала невольно, а затѣмъ и сознательно—далъ свободу хаосу, «зашевелившемуся» въ его душѣ: «природная всѣмъ склонность къ разрушенію развивалась въ немъ необыкновенно» (IV, 299).

Я для добра былъ прежде гибнуть радъ.
Но за добро платили мнѣ презрѣньемъ;
Я пробѣжалъ пороковъ длинный рядъ
И пресыщенъ былъ горькимъ наслажденьемъ...
Тогда я хладно посмотрѣлъ назадъ:
Какъ съ свѣжаго рисунка, сгладилъ краску
Съ картины прошлыхъ дней, вздохнулъ и маску
Надѣлъ, и буйнымъ смѣхомъ заглушилъ
Слова глупцовъ, и дерзко ихъ казнилъ... (II, 189).

На этотъ роковой путь отрицанія и разрушенія было рѣшительно сдвинуто и только-что зачинавшееся творчество поэта:

...безъ волненій
Я выпилъ ядъ по каплѣ, ни одной
Не уронилъ; но люди не видали
Въ лицѣ моемъ ни страха, ни печали
И говорили хладно: онъ привыкъ!
И съ той поры я облилъ свой языкъ
Тѣмъ самымъ ядомъ и по праву мести
Сталъ унижать толпу подъ видомъ лести... (II, 170).

Отнынѣ и вплоть до самой преждевременной смерти *включительно* путь Л—ва — въ жизни и творчествѣ — путь демоническихъ экспериментовъ, порою мальчишески-незрѣлыхъ, непродуманныхъ, внушенныхъ только злымъ духомъ противоборства:

Добру-жъ давно не вѣрилъ онъ,
Не вѣрилъ *только* потому,
Что вѣрилъ нѣкогда *всему*! (II, 113).

Въ приступахъ демонической лихорадки до конца дней своихъ будетъ биться Л—въ:

И гордый демонъ *не* отстанетъ,
Пока живу я, отъ меня... (I, 300).

Никакими стихами — вопреки собственному заявленію (II, 269) — отъ демоническаго «бреда» поэтъ не «отдѣлается» и демонической «одержимости» до конца не избудетъ: въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ инымъ, какъ не властью безумныхъ демоническихъ порывовъ, объяснить эти упорно-настойчивыя домогательства смерти подъ чеченскими пулями, и неужели не явный демонической экпериментъ та сама роковая «вѣчно-печальная» дуэль, гдѣ насильственная смерть поэта отъ *чужой* руки, столь чуднымъ образомъ сопрягается съ дьявольски-тонко замаскированнымъ *само*-убійствомъ?!

Итакъ, первый и основной сдвигъ въ жизни Л — ва совершился.

«Излишнее», «райское» очарованіе дѣтства неминуемо должно было привести — какъ это предполагалъ и Гоголь — къ неудержимому, «демонски-мятежному» разочарованію юности. Всѣ эти юношескія признанія, драмы и поэмы Л—ва, съ центральными изъ нихъ поэмой «Демонъ» (въ первыхъ редакціяхъ) и драмой «Маскарадъ», этотъ рано окрѣпшій въ нихъ «желѣзный стихъ, облитый горечью и злостью» (II, 278), вѣдь это все — одинъ сплошной «мучительный, ужасный крикъ» горечи, крикъ остраго, рѣжущаго своею остротой *личнаго* разочарованія —

Въ моей душѣ, какъ въ океанѣ,
Надеждъ *разбитыхъ* грузъ лежитъ! (I, 300) —

крикъ, правда, еще аффектированный, усиленный явно-слышимой нотой разочарованія *байроническаго*, мірового.

Но, конечно, Байронъ только помогъ Л — ву до конца осознать и художественно объектировать *его собственное*, чрезмѣрно-раннее и неумѣренно-страстное разочарованіе.

Въ изступленной же безмѣрности разочарованія «младшій братъ» заходилъ иногда дальше «старшаго»:

«Все, что было у Байрона свѣтло-голубого, исчезло у Л—ва; зато выступило наружу все багровое, злобное, демоническое, съ такою силою, что для людей, которые приноровились распознавать человѣка по его манерѣ писать, по его пошибу, лермонтовское настроеніе можетъ иногда показаться болѣе байроновскимъ, чѣмъ у самого Байрона» (Спасовичъ).

«Все, что было у Байрона свѣтло-голубого, исчезло у Л — ва»..

Все ли?

Безочарованіе.

Время притупляло рѣжущую, пронзающую остроту переживаній: изъ остраго разочарованіе становилось затяжнымъ, хроническимъ.

А становясь хроническимъ, разочарованіе тѣмъ самымъ уже неудержимо перерождалось въ «безочарованіе», совсѣмъ особое, *новое* психическое состояніе.

«И пришла буря, и прошла буря; и океанъ замерзъ, но замерзъ съ поднятыми волнами, храня театральный видъ движенія и безпокойства, но въ самомъ дѣлѣ мертвѣе, чѣмъ когда-нибудь» (IV, 308).

Немногочисленныя, но совершенно зрѣлыя созданія поэта второй половины творчества, съ романомъ «Герой нашего времени» въ центрѣ, несутъ на себѣ эту мертвенную печаль подлиннаго безочарованія.

Но что такое «безочарованіе»?

Психологическій составъ «безочарованія», его «ароматъ» —какъ мы сказали—чрезвычайно сложенъ, неуловимъ, съ большимъ трудомъ поддается описанію и опредѣленію.

Безочарованіе, это—полное какой-то «стальной прозаичности» (Бѣлинскій), безотрадное, безуханное настроеніе—«раздирающее сердце равнодушіе ко всему... безрадост-

ныя встрѣчи, безпечальныя разставанія, странныя, безсмысленныя любовныя узы, неизвѣстно зачѣмъ заключаемыя и неизвѣстно зачѣмъ разрываемыя»... (Гоголь),—настроеніе, то свинцово-мутное и тусклое, то прозаически-прозрачное и стальное, но всегда одинаково неживое и жуткое въ своей застылости, оцѣпенѣлости, омертвѣлости.

Безочарованіе, это—безнадежное раздумье:

Любить... но кого же?.. (II, 286).

Безочарованіе, это—опустошенность и пустынность души:

Для меня весь міръ и пустъ и скученъ! (I, 73).

Безочарованіе, это—усталость и остылость души, уже неспособной болѣе реагировать на внутреннія и внѣшнія впечатлѣнія:

И намъ горька остылой жизни чаша,
И ужъ души ничто не веселитъ (I, 74).

Великолѣпный образецъ безочарованія лермонтовская «Дума»:

И жизнь ужъ насъ томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли...
. . . . . .
Къ добру и къ злу постыдно равнодушны
. . . . . мы вянемъ . . .
Мечты поэзіи, созданія искусства
Восторгомъ сладостнымъ нашъ умъ не шевелятъ.
. . . . . .
И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то *холодъ тайный*...
(II, 252)

Но истинный герой безочарованія — Печоринъ, конечно—этотъ сухой «дубовый листокъ».

Вглядимся въ выраженіе его глазъ. Прислушаемся къ его рѣчамъ.

«Изъ-за полуопущенныхъ рѣсницъ» глаза Печорина «сіяли какимъ-то фосфорическимъ блескомъ, если такъ можно выразиться. То не было отраженіе жара душевна-

го или играющаго воображенія: то былъ блескъ, подобный блеску гладкой *стали*, ослѣпительный, но холодный. Взглядъ его—непродолжительный, но проницательный и тяжелый—оставлялъ по себѣ непріятное впечатлѣніе нескромнаго вопроса и могъ бы казаться дерзкимъ, если бы не былъ столь равнодушно-спокоенъ» (IV, 189). А вотъ подлинникъ безочарованія въ формулировкѣ Печорина:

«Я вступилъ въ эту жизнь, переживъ ее уже мысленно, и мнѣ стало скучно и гадко, какъ тому, кто читаетъ дурное подражаніе давно ему извѣстной книгѣ» ((IV, 273).

«Изъ горнила страстей я вышелъ твердъ и холоденъ какъ желѣзо, но утратилъ навѣкъ пылъ благородныхъ стремленій—лучшій цвѣтъ жизни» (IV, 254).

«Я иногда себя презираю... не оттого-ли я презираю и другихъ?.. Я сталъ неспособенъ къ благороднымъ порывамъ; я боюсь показаться смѣшнымъ самому себѣ» (IV, 248).

«И тогда въ груди моей родилось отчаяніе, не то отчаяніе, которое лѣчатъ дуломъ пистолета, но холодное, безсильное отчаяніе, прикрытое любезностью и добродушной улыбкой. Я сдѣлался нравственнымъ калѣкой» (IV, 234). Безочарованіе, это — почти отчаяніе, но отчаяніе тихое, холодное, безсильное, «прикрытое любезностью и добродушной улыбкой».

Безочарованіе, это—кинжалъ, но утратившій свое назначеніе, кинжалъ заржавый:

> Игрушкой золотой онъ блещетъ на стѣнѣ—
> Увы, безславный и безвредный! (II, 254).

Еще разъ: безочарованіе—состояніе слишкомъ сложное, чтобы легко было уложить его въ краткую и въ то же время исчерпывающую характеристику.

Итакъ:

1) плѣнительное утро *о*чарованія;
2) сжигающій полдень *раз*очарованія;
3) вечернія сумерки *без*очарованія,—

такова «таинственная повѣсть» лермонтовскаго духа.

Трагическій сдвигъ.

И мы тебя, поэтъ, не разгадали,
Не поняли *младенческой* печали
Въ твоихъ какъ будто кованыхъ стихахъ!

В. Брюсовъ.

Остановимся попристальнѣй на психологической сторонѣ процесса «очарованіе—разочарованіе»,—и мы убѣдимся въ необычайной, *исключительной* важности этого совершившагося въ жизни Л—ва перваго сдвига.

Я для добра былъ прежде гибнуть радъ,
Но за добро платили мнѣ презрѣньемъ;
Я пробѣжалъ пороковъ длинный рядъ
И пресыщенъ былъ горькимъ наслажденьемъ...
Тогда я хладно посмотрѣлъ назадъ:
Какъ съ свѣжаго рисунка, сгладилъ краску
Съ картины прошлыхъ дней, вздохнулъ и маску
Надѣлъ, и буйнымъ смѣхомъ заглушилъ
Слова глупцовъ, и дерзко ихъ казнилъ... (II, 189).

Ясно, что прежде чѣмъ обратиться противъ людей, демоническій порывъ разрушенія всею тяжестью обрушился на первоначальныя, дѣтскія святыни самого поэта, грозя безповоротно смести ихъ еще «свѣжій рисунокъ» съ «картины прошлыхъ дней».

Психологически такой оборотъ демонизма вполнѣ законенъ и допустимъ. И,—зная о нѣкоторыхъ безобразныхъ, нечистыхъ, позорныхъ фактахъ-эксцессахъ въ жизни и творчествѣ Л—ва,—можно опредѣленно утверждать, что поэтъ не только «хладно посмотрѣлъ назадъ» и не только «сгладилъ краску съ картины прошлыхъ дней», но и сдѣлалъ безумную, сатанинскую, быть можетъ, попытку: кощунственно осквернить, безвозвратно очернить первоначальный, благостно-райскій фонъ картины, заполонивъ его зловѣщимъ отображеніемъ Духа Тьмы — крылатымъ Демономъ.

Вспомнимъ у Пушкина:

Художникъ-варваръ кистью сонной
Картину генія чернитъ
И свой рисунокъ беззаконный
Надъ ней безсмысленно чертитъ.

Такимъ художникомъ-варваромъ, въ религіозно-этическомъ значеніи словъ, оказался, по отношенію къ начальному періоду своей жизни, Л—въ, чуть ли не съ первыхъ же моментовъ творчества предоставившій Демону водить своею кистью. Правда, Демонъ Л—ва «сіялъ волшебно-сладкой красотою» (II, 269) Денницы, но сущности дѣла это *не* мѣняетъ: за обольстительной внѣшностью зіяетъ все-же сама Тьма, и, въ отношеніи глубочайшихъ святынь дѣтства, демоническое поведеніе и творчество Л—ва все-же остается—въ существѣ своемъ—буйственнымъ вандализмомъ и «демоническимъ сладострастіемъ» (Вл. Соловьевъ). А какъ далеко заходилъ поэтъ въ услажденіи себя дѣланіемъ зла, объ этомъ можно судить по замѣчанію, вырвавшемуся у Достоевскаго о Ставрогинѣ: «въ злобѣ выходилъ прогрессъ *даже* противъ Л—ва».

Но чѣмъ же кончается вся эта варварская затѣя? Неужели побѣдой?—вѣдь духъ демонизма охватилъ большинство созданій поэта.

Пусть!—не въ нихъ сила: творческое горѣніе идетъ своимъ чередомъ, сжигая, испепеляя все чуждое, наносное, внѣшнее—

краски чуждыя съ лѣтами
Спадаютъ ветхой чешуей;
Созданье генія предъ нами
Выходитъ съ прежней красотой.

«Буйный смѣхъ вандала оказывается «маской» («и маску надѣлъ и буйнымъ смѣхомъ заглушилъ»... II, 189); «волшебно-сладкая красота» демоническихъ упоеній—«красотою безобразной» («но красоты ихъ безобразной я скоро таинство постигъ», II, 295); весь демонизмъ, съ его дерзаніями и притязаніями,—безумнымъ экспериментомъ,

неспособнымъ выдержать испытаніе на время («и мнѣ наскучилъ ихъ несвязный и оглушающій языкъ», II, 295). Сквозь «рисунокъ беззаконный» все яснѣе и восторженнѣе сквозитъ первоначальный, геніальный рисунокъ-фонъ картины:

Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей,
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ, чистыхъ дней.

Или, говоря словами Л—ва:

Долго, долго умъ хранитъ
Первоначальны впечатлѣнья (I, 3).

И сердце, полно сожалѣній,
Хранитъ въ себѣ глубокій слѣдъ
Умершихъ, но святыхъ видѣній
И тѣни чувствъ, какихъ ужъ нѣтъ (I, 272).

«Ветхой чешуей» спали съ души «краски чуждыя»— пепельно-сѣрое безочарованіе, зловѣще-багровое разочарованіе, и прежней красотой — первозданной! — просіяла душа, красотой голубого очарованія.

Безмятежно-блаженный островъ дѣтства, полный таинственныхъ тѣней и «святыхъ видѣній», полный нетлѣнной красоты, всю жизнь грезился поэту, и для Л—ва взрослаго было прямо душевной необходимостью и несказаннымъ наслажденіемъ временами возвращаться, окунаться душою въ это блаженное Вѣчно-Дѣтское.

Здѣсь, въ свѣтло-бездонномъ омутѣ дѣтства, черпалъ Л—въ тотъ возвышенный, полный «лазурнаго огня», порою изступленный идеализмъ, тотъ пламенно-религіозный паѳосъ жизни, который затаенно сквозитъ въ его созданіяхъ, который, несомнѣнно, напоялъ всю его личность,— «но лучше я, чѣмъ для людей кажусь!» (I, 146) — и который былъ явно ощутимъ для чуткаго наблюдателя сквозь

к 62 (отд. 86)
175-

весь *демонический маскарадъ* его творчества, его рѣчей и поступковъ.

Чуткій наблюдатель, Бѣлинскій, бесѣдовавшій съ поэтомъ за годъ до его смерти, отмѣтилъ: «Я съ нимъ спорилъ, и мнѣ отрадно было видѣть въ его разсудочномъ, охлажденномъ и озлобленномъ взглядѣ на жизнь и людей *сѣмена глубокой вѣры* въ достоинство того и другого. Я это сказалъ ему—онъ улыбнулся и сказалъ: дай Богъ!»

Въ дѣтствѣ, въ раннемъ «очарованномъ» дѣтствѣ заложены были въ душу Л—ва эти «сѣмена глубокой вѣры»—

Хранится пламень неземной
Со дня *младенчества* во мнѣ (I, 131),—

вотъ почему въ дѣтство поэта должны мы вернуться, въ область дѣтства должны устремить наши психологическія изысканія: только тогда сумѣемъ мы выявить до конца и понять, и оцѣнить эту могучую и странную, и неразгаданную нами личность, личность *ребенка-Демона*.

92745

Цѣна 75 коп.

HECKMAN
BINDERY INC.
JUN 90
N. MANCHESTER,
INDIANA 46962

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00005297234